

*Кевларовое небо,
кевларовое море,
кевларовая зелень,
кевларовый верблюд.*

*Кевларовые мамы
кевларовым ребятам
кевларовые песни
кевларово поют.*

Он уезжает или приезжает?
Она его на поезд провожает
и слёз не льёт, и не дрожит губой.
Я знаю, что её зовут Любовь.
А как его? Да как вообще угодно...
Любое имя из имён народных
он сменит на два слога позывных
и умирать пойдёт за семерых.
Ну что ты, в самом деле, — он не сгинет!
Скажи мне (я молиться стану) имя:
по позывным Господь не разберёт.
Молись за всех, за весь большой народ.
И за неё молись, пускай дождётся
дончанина, самарца, новгородца,
читинца, москвича и петербуржца —
поэта, музыканта, вольнодумца.
Пускай дождётся. Ждать она умеет.
И доживут они до юбилея,
чтоб никогда не вспомнить при потомках
ни этот день, ни поезд, ни котомку.
А будут помнить что? Как в век кевлара
она его собою прикрывала —
живую плотью крепкую броню.
Словами: «Милый, я тебя люблю».

Что ни дом, то короб пустой,
что ни слово, то сух язык, —
эта боль посильней зубной.
Бог, как опытный ростовщик,
назначает такой процент,
не расплатишься до зимы.
После смерти не будет цен,
только свечечки зажжены.
Под ногами горит асфальт,
и не слышно колоколов,
в этом городе плавят сталь,
проливают свою же кровь.
А за городом светлячки
освещают победный путь,
я гляжу сквозь твои очки,
я желаю к слепцам примкнуть.
Что ни дом, то сплошная скорбь,
что ни голос, то вой сирен.
Этот город был слишком горд,
и теперь он пошёл в размен.
Бог торгуется, как банкир,
не уступит и двух монет.
Бог смеётся, что Божий мир
утверждает, что Бога нет.
Его смех — канонада дня,
город плотно берут в кольцо.
В этот город пришла война,
я боюсь ей смотреть в лицо.

Юлии и Саше Бережновым

Подругу крепко нежно обниму,
её отец почти что год в плену.
Ей только шесть, и мне всего четыре.
Как мало с нею знаем мы о мире.

И наших знаний чистый белый лист
кудрявым облаком над городом повис.
Он тень даёт, макушку лета гладит.
Подруги мама вышивает гладью...

А что ещё ей делать по ночам,
как не сходить с ума по мелочам?
Мол, цвет не тот, а здесь стежок не вышел.
Такими пальцами ей ничего не вышить.

Серчает, словно правда дело есть
до этой скатерти. Но загадала весть!
Благую весть: когда отбросят пальцы
кровооточащие негнущиеся пальцы,

когда вся ткань чумного бытия
заполнится, то brave мужья
войдут в свои дома после разлуки.
Вернётся и её и поцелует руки.

Уберегла! — На выход, Бережнов!
Как много слёз и столько же стежков.
Но кто считает слёзки да стежочки?
Не по годочкам мыслящие дочки.

Она застелет стол и соберёт обед.
И больше в жизни их не будет бед.
Да только розы красные на белом.
Да только чёрточки кусочком мела.

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

«Не читайте газет, и не будет войны».
От войны до войны было небо — ни облачка.
Приезжай к нам в Донецк,
привези нам немного воды
и краюху луны вместо месяца корочки.
Лунный хлеб так похож на огни Ильича.
Это главный проспект наш —
дорога подлунная.
Если б город умел мой от боли кричать.
Если б город умел мой о чём-нибудь думать
другом. Кроме этой войны,
кроме этих расстрелов в упор.
Если б мог он, то встал бы,
прикрыл бы тебя, ротозея.
Я не знаю, за что ему всё это.
И в какой ни заглядывай двор,
всюду видятся штрих-пунктирные
контуры Колизея.

Я люблю этот город —
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе —
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы — всего-то холмы.
Его вены, усталые вены —
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребёнка,
не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нём всё, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранее его простила,
если будет за что прощать.